

МАНЬЯК С КАКТУСОМ

или Сосед со странностями

ДАРЬЯ ТУМАНОВА

Дарья Туманова

**Маньяк с кактусом или
сосед со странностями**

«Автор»

2026

Туманова Д.

Маньяк с кактусом или сосед со странностями / Д. Туманова —
«Автор», 2026

Он въехал в квартиру напротив с двумя чемоданами, кактусом по имени Архимед и привычкой таскать мешки в три часа ночи. Она — учительница с собакой, подкастом и твёрдым намерением вывести соседа на чистую воду. Но чем дольше она за ним следит, тем сложнее отделить улики от симпатии: подозреваемый вскрывает замки с пугающей лёгкостью, но при этом помнит, какой сыр она любит. Он профессионально обыскивает её квартиру — и одновременно слушает её подкаст с закрытыми глазами. Он называет её «Объектом А» — и смотрит так, что забываешь, зачем вообще начала это расследование. И теперь главный вопрос не «Кто он такой?», а «Что делать, если ты, кажется, влюбилась в человека, который, возможно, серийный убийца?». История о том, что даже у маньяка могут быть хорошие манеры. Особенно если он — не маньяк. Наверное.

© Туманова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глазок в чужую жизнь	5
Глава 2. Находка века	8
Глава 3. Паранойя на медленном огне	12
Глава 4. Человек в дорогом пальто и прочие неприятности	15
Г	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дарья Туманова

Маньяк с кактусом или сосед со странностями

Глава 1. Глазок в чужую жизнь

Маша твердо пообещала себе: после шести вечера — ни крошки. Никаких компромиссов, полумер и малодушных поблажек. Даже если в недрах холодильника томится одинокий кусок сыра «Гауда», который ближе к полуночи начинает обладать мощнейшим гравитационным полем и, кажется, транслирует ментальные призывы прямо ей в мозг.

К сожалению, сила воли Маши, закаленная тремя попытками сесть на строгую гречневую диету и одной катастрофической неделей изучения японских иероглифов, в очередной раз вежливо попросилась на выход.

— Шнырь, — шепотом обратилась она к собаке, которая изображала половичок в прихожей. — Перестань смотреть на меня с этим немым укором. Это не капитуляция, это тактический маневр для поддержания углеводного баланса. К лету мы обязаны быть в форме. Точнее, я. Твоя задача — просто не растолстеть до состояния журнального столика.

Шнырь — существо неопределенной породы, напоминавшее помесь корги со старой шерстяной рукавицей — даже не пошевелился. Он лишь приоткрыл один мутный глаз, издал звук, похожий на вздох разочарованного философа, и снова погрузился в сон. Храпел Шнырь виртуозно, идеально попадая в тональность старого холодильника, что создавало в квартире устойчивый, слегка гнетущий индустриальный гул.

Маша вздохнула, оставив несчастную «Гауду» в покое, и замерла. Из-за входной двери донесся странный, ни на что не похожий шорох. Вообще-то, третий час ночи — идеальное время для здорового сна, но ее новый сосед из сорок второй квартиры, похоже, придерживался иных биоритмов.

Кирилл появился в их пятиэтажке две недели назад. Весь его нехитрый скарб состоял из двух потертых чемоданов, намертво перевязанных упаковочным скотчем, и огромного, угрожающего вида кактуса в треснувшем глиняном горшке. Этот кактус Кирилл нес перед собой с таким трепетом, словно это была священная чаша Грааля, а не филиал ботанического ада. Сам сосед производил впечатление типичного младшего научного сотрудника: вечно помятый пиджак, интеллигентные очки в тонкой оправе и меланхоличный взгляд человека, который слишком долго занимался каталогизацией дождевых червей. Но была у него одна странность — его пугающая ночная активность.

Маша осторожно подошла к двери и прильнула к глазку. Сферическая линза слегка искажала реальность, превращая лестничную площадку в подобие кадра из малобюджетного нуарного триллера. Тусклая сороковаттная лампочка, окутанная вековой паутиной, жалобно мигала, создавая рваные тени.

На площадке стоял Кирилл. Его привычная интеллигентная меланхолия куда-то испарилась. Лицо было бледным, покрытым каплями пота, а очки съехали на самый кончик носа. Он обеими руками тащил из квартиры огромный, плотный черный мешок для строительного мусора. Мешок явно весил не меньше центнера — Кирилл двигался короткими рывками, натужно сопя и пятясь задом к лестничному маршу.

«Второй раз за неделю, — отметила про себя Маша, сузив глаза. — И снова в глубокой темноте. Нормальные люди в такое время выносят разве что пакеты после бурной вечеринки, но Кирилл не был похож на любителя шумных застолий. Мешок двигался с таким тру-

дом, будто внутри находился чугунный бюст какого-нибудь советского вождя. Или кто-то, кто больше не мог передвигаться самостоятельно».

Сосед остановился, чтобы перевести дух. Он нервно огляделся по сторонам, на секунду уставившись прямо в Машину дверь. Она затаила дыхание, боясь, что блеск ее зрачка в стекле глазка выдаст ее присутствие. Кирилл вытер лоб рукавом и раздраженно пнул застрявший мешок ногой, пытаясь подтолкнуть его к первой ступеньке.

В этот момент из недр черного пластика раздался глухой, тяжелый металлический лязг. Звук был отчетливым — так сталкиваются массивные, лишенные изящества железные предметы. Инструменты? Ломы? Или детали чего-то, что раньше было цельным?

Шнырь в прихожей внезапно перестал храпеть. Он резко поднял уши-локаторы, сел и издал тихое, грудное рычание. По спине Маши пробежал вполне осязаемый холодок. Тихое ночное копошение соседа переставало выглядеть невинной бытовой причудой новосела. Загадка сорок второй квартиры обретала пугающе тяжелый, металлический вес.

Маша отшатнулась от двери, словно сквозь замочную скважину в неё могло прилететь чем-то увесистым, и на цыпочках отступила вглубь коридора. Смартфон в её руке светился зловещим неоновым светом, выхватывая из темноты настороженную морду Шныря. Пальцы слегка подрагивали, упорно промахиваясь мимо нужных иконок на экране.

Она набрала номер Кати. Трубка отозвалась долгими, издевательски размеренными гудками. На шестом раздался сонный, но пугающе трезвый голос. Катина адвокатская привычка мобилизоваться за долю секунды всегда вызывала у Маши легкий трепет.

— Маня, — сухо произнес динамик. — Если ты звонишь в два часа сорок минут ночи, чтобы узнать, считается ли кусок торта преступлением против фигуры, если его съели в темноте, то мой официальный вердикт: виновна по всем статьям. Без права на условно-досрочное. Ложись спать.

— Кать, забудь про торт, — горячим шепотом перебила Маша, вжимаясь спиной в вешалку с демисезонными куртками. — Тут дело посерьезнее. Кажется, у нас в подъезде завелся латентный маньяк. Новый сосед. Кирилл. Он снова это делает.

— Что именно? Пересчитывает свои кактусы?

— Пакеты, Катя! Огромные, черные строительные мешки. Он выволакивает их из квартиры исключительно под покровом ночи. И только что... понимаешь, только что этот мешок издал отчетливый, зловещий металлический лязг. Такой звук бывает, когда избавляются от улик. Или расчлениют старые рыцарские доспехи вместе с их бывшим владельцем.

На том конце провода воцарилась тяжелая, осязаемая тишина. Маша почти физически чувствовала, как на Катином лице проступает профессиональное выражение глубокого скептицизма, с которым та обычно выслушивала безнадежных подзащитных.

— Маш, ты видела, что именно находится внутри? — ледяным тоном прагматика поинтересовалась подруга.

— Как я могла увидеть? Через оптику дверного глазка рентген не работает. Но он тащит его к мусорным контейнерам во дворе с таким видом, будто там лежит вся его неудавшаяся личная жизнь. Он постоянно оглядывается по сторонам.

— Включи логику, если она у тебя еще не окончательно атрофировалась от недосыпа, — вздохнула Катя, и в трубке зашуршало одеяло. — Давай вспомним анамнез этой квартиры. До этого интеллигентного Кирилла там обитала колоритная личность — Семён Аркадьевич. Тот самый престарелый букинист и нумизмат, который три месяца назад бесследно исчез в неизвестном направлении, оставив управляющей компании долги за коммунальные услуги размером с бюджет маленькой страны. Помнишь?

— Ну, помню, — неохотно согласилась Маша. — Старик вечно таскал домой сломанные настенные часы и дореволюционные утюги.

— Вот именно. Скорее всего, твой Кирилл — либо дальний родственник, вступивший в права наследства, либо банальный арендатор, который пытается разгрести эти залежи антикварного хлама, чтобы освободить место для жизни. Металлический лязг — это не кости, Маша. Это, скорее всего, чугунные сковородки эпохи Николая Второго. Зачем сразу записывать человека в серийные убийцы?

— Ты просто не видела его взгляд, — проворчала Маша, косясь на затихшего Шныря. — У него внешность диснеевского принца, который тайно подрабатывает в криминальной хронике. И самое худшее — вчера мы столкнулись на лестнице. Я выносила пустые коробки в своем парадном махровом халате с желтыми уточками. Он посмотрел на меня так, будто я застала его в момент ограбления банка. Он запомнил меня, Катя. Теперь я для него — нежелательный свидетель, который слишком много знает о его ночном трафике.

— Свидетель в утином халате — это звучит юридически весомо, — в голосе Кати явственно послышалась усмешка. — Но как твой законный представитель я настоятельно рекомендую: закрой дверь на все три замка, выпей воды и ложись спать. Завтра после судебного процесса я заскочу к тебе, и мы проведем следственный эксперимент. И ради всего святого, Маша, не вздумай инспектировать его мусорные баки. Наружное наблюдение за отходами не входит в перечень твоих талантов. Спокойной ночи.

В трубке пошли короткие гудки. Маша опустила телефон и посмотрела на входную дверь. Из подъезда больше не доносилось ни звука, но эта тишина казалась обманчивой и тяжелой, словно затаившаяся загадка сорок второй квартиры только что обрела реальный вес.

Глава 2. Находка века

Разумеется, Маша не послушалась. Разумные советы Кати обладали одним побочным эффектом: они вызывали у Маши немедленное, почти физическое желание поступить с точностью до наоборот. К тому же Шнырь, уловив тектонические сдвиги в настроении хозяйки, мгновенно перешел из режима «косматый коврик» в режим «охотничий пес на тропе войны». Он радостно застучал когтями по паркету, преданно заглядывая ей в глаза и искренне полагая, что в три часа ночи у них наконец-то открывается филиал праздника внезапных вкусняшек.

— Тсс, предатель, — прошипела Маша, натягивая кроссовки прямо на босу ногу. — Двигайся как ниндзя. Если нас поймают, я скажу, что ты искал след пропавших сосисок.

В подъезде царил гулкая, колодезная тишина, густо замешанная на запахе старой масляной краски, сырости и неизменной соседской герани. Сердце Маши колотилось где-то в районе горла, мешая дышать. Каждый шаг по бетонным ступеням казался ей грохотом канонады.

«Зачем я это делаю? — панически вопрошал ее внутренний голос, пока она спускалась к мусоропроводу. — Неужели там рука? Или нога? Господи, если я сейчас увижу чью-то анатомическую подробность, я же перееду жить к маме в Сызрань. Прямо завтра».

Огромный черный мешок сиротеть у бака не остался — Кирилл действительно запихнул его в темную нишу за мусоропроводом. Пластик зловеще поблескивал в полумраке. К вящему облегчению Маши, горловина мешка не была намертво затянута узлом — сосед лишь небрежно подвернул края, словно очень спешил или планировал вскоре вернуться.

Маша глубоко вздохнула, зажмурилась на секунду, а затем, преодолевая брезгливость, запустила руку внутрь плотного полиэтилена.

Никаких леденящих душу находок там не оказалось. Пальцы наткнулись на плотные, шершавые стопки бумаги. Маша вытащила добычу на свет скудной лампочки.

В ее руках оказалась внушительная пачка старых писем, аккуратно перевязанных блеклой, когда-то атласной лентой. Следом она извлекла на свет несколько сложенных вчетверо листов желтоватой ватманской бумаги. Развернув один из них, Маша нахмурилась: это были подробные, выполненные от руки чертежи и схемы инженерных коммуникаций их собственного дома. Некоторые узлы подвала и вентиляционных шахт были жирно обведены красным карандашом, а рядом стояли неразборчивые пометки.

Но самое интересное ждало ее на самом дне. Рука нащупала тяжелый продолговатый предмет. Маша выудила его наружу и едва не вскрикнула от удивления.

Это был старый кассетный диктофон марки Sony — потертый, со сколотым пластиковым углом, но... он был теплым. Батарейный отсек сохранял отчетливое человеческое тепло, словно прибор выключили всего пару минут назад.

— Значит, никакой ты не синий борода, Кирилл, — одними губами пробормотала Маша, чувствуя, как липкий страх мгновенно испаряется, уступая место чистому, незамутненному азарту прирожденного сыщика. — Ты либо промышленный шпион, либо у нас в доме прячут сокровища тамплиеров, а ты...

В этот момент тишину подъезда разрезал короткий, сухой скрип. Дверь сорок второй квартиры медленно отворилась.

Маша замерла, как вкопанная, сжимая в одной руке диктофон, а в другой — планы подвала. Времени на тактическое отступление не оставалось совсем. Ситуацию усугубил Шнырь. Увидев показавшегося на площадке Кирилла, этот лопоухий коллаборационист радостно гавкнул на весь подъезд и размахивая хвостом, как пропеллером, рванул напрямик к соседу — обнюхивать его домашние тапочки.

Кирилл, державший в руке забытый фонарик, замер. Его взгляд медленно переместился со счастливой собаки на Машу, стоявшую у мусорного бака в халате с уточками и с поличным в руках.

У нее оставалось ровно две секунды, чтобы выбрать стратегию: либо с криками броситься бежать по лестнице вверх, либо сделать вид, что ночной выгул пса у мусоропровода с изучением чужих диктофонов — это ее давнее и очень осознанное хобби.

Кирилл застыл в проеме сорок второй квартиры, напоминая ожившее каменное изваяние. Правда, изваяние было в помятых домашних брюках и нелепых тапочках. Его взгляд медленно, словно в замедленной съемке, опустился вниз, где Шнырь с энтузиазмом преданного фаната вылизывал его правый ботинок. Затем сосед перевел тяжелый взор на Машу. Она в этот момент судорожно прижимала руки к груди, пытаясь одновременно спрятать за спиной стопку чертежей и запихнуть упрямый прибор в карман.

Диктофон, тяжелый и сохранивший тепло чужих пальцев, буквально жег ладонь сквозь тонкую махровую ткань. Сердце Маши колотилось где-то в районе левого уха, мешая выстроить хотя бы одну логическую фразу.

— Доброй ночи, — произнес Кирилл.

Голос у него оказался неожиданно глубоким, бархатистым, с легкой хрипотцой. У Маши по спине пробежали вполне осязаемые мурашки, причем природа их происхождения была сомнительной — первобытный страх тут явно соперничал с чисто эстетическим впечатлением.

— Вы... часто гуляете с собакой в три часа ночи?

Внутренний голос Маши, обычно отвечавший за здравый смысл, тут же предложил самый честный ответ: «Я просто шпионю за вами и ковыряюсь в вашем мусоре, потому что подозреваю вас в серийных убийствах». Вариант был признан неконструктивным.

— Шнырь... — пробормотала она, чувствуя, как уши заливают густой, предательский румянец. — У него деликатные проблемы. Острое несварение на фоне экзистенциальной тоски. Мы обычно стараемся не беспокоить приличных соседей, но сегодня... э-э... диета не задалась. Страдает парень.

Шнырь, словно решив подтвердить диагноз, радостно твякнул на весь подъезд и попытался мертвой хваткой укунить Кирилла за шнурок.

— Понимаю, — Кирилл подозрительно прищурился, и в его очках отразился тусклый свет мигающей лампы.

Он перевел взгляд на темную нишу за мусоропроводом, затем снова зафиксировался на Машиной фигуре. Точнее — на ее кармане с уточками. Из кармана гордо и бескомпромиссно торчала серая пластиковая антенна и половина кассетного отсека. Спрятать этот раритет незаметно было примерно так же легко, как утаить живого жирафа в переполненном трамвае.

— А вы всегда берете с собой диктофоны на ветеринарные прогулки? — поинтересовался сосед, слегка наклонив голову. — Или это просто очень габаритный мобильный телефон старого образца?

Маша похолодела. Она издала короткий, фальшивый смешок, подозрительно похожий на крик испуганной чайки.

— О, это! — она вытащила прибор и глупо покрутила его в воздухе, словно демонстрировала фокус. — Мой рабочий инструмент. Понимаете, я пишу подкаст. О жизни ночного города, его тайных звуках. Искала подходящую акустику... ну, знаете, скрип старых дверей, вздохи вентиляции, шорох шин. Аутентичный грохот мусоропровода в три часа ночи — это же чистый детективный нуар, классика жанра!

Кирилл смотрел на нее с выражением лица профессора антропологии, перед которым внезапно заговорил суслик. Вежливо, но с глубоким внутренним сомнением в адекватности происходящего.

— Подкаст, значит? — медленно переспросил он. — И как, много «шума мусоропровода» удалось зафиксировать для истории?

Маша сделала шаг назад. В этот момент ее большой палец судорожно дернулся, и внутри кармана раздался отчетливый, предательский металлический пик. Она случайно нажала кнопку записи.

— Более чем достаточно, — отрезала она, понимая, что импровизация окончательно трещит по швам. — Знаете что, Кирилл, давайте мы пойдем. У Шныря по графику лечебные процедуры, а у меня — жесткий дедлайн. Приятных сновидений!

Она мертвой хваткой вцепилась в ошейник пса и, стараясь сохранять походку «уверенной в себе женщины», а не «панически убегающего свидетеля», потащила упирающуюся собаку к своей двери. Спину буквально жгло от чужого взгляда. Казалось, если она сейчас обернется, то увидит, как на казенных зеленых обоях прогорают дыры.

Оказавшись в прихожей, Маша повернула верхний замок, нижний замок, набросила цепочку и на всякий случай придвинула к двери тяжелую дубовую тумбочку. Шнырь уселся рядом, тяжело дыша и глядя на хозяйку с явным одобрением — ночной аттракцион ему определенно понравился.

— Мы живы, Шнырь, — прошептала Маша, сползая спиной по обивке двери. — И, кажется, мы теперь официально шпионы.

Она достала диктофон. На маленьком жидкокристаллическом экранчике мигал крошечный красный символ. Запись все еще шла. Маша нажала «стоп», торопливо отмотала ленту назад и включила воспроизведение.

Сначала динамик выдал глухой шорох ткани, затем ее собственный нелепый лепет про подкасты. Но перед этим... перед этим на магнитной ленте сохранился кусок чужой, более ранней записи. Голос Кирилла звучал совершенно иначе — без привычной интеллигентной меланхолии. Он был четким, холодным и пугающе профессиональным:

«...запись десятая. Объект А находится под плотным наблюдением. Нельзя допустить, чтобы она догадалась, что ключи от подвала — у нее под самым носом. Если Маша начнет задавать лишние вопросы, придется применить...»

Диктофон издал резкий скрежет, словно подавился собственной древностью, и окончательно замолчал.

В прихожей воцарилась тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным чавканьем Шныря. Маша медленно опустилась на холодный линолеум, бережно прижимая к себе трофейную технику. В голове эхом проносились две фразы: «Объект А» и «Если Маша начнет задавать вопросы».

— Какая прелесть, — прошептала она в темноту. — Меня повысили до секретного объекта.

Но следом за легким уколом адреналина пришло полнейшее, железобетонное недоумение. Маша наморщила лоб. Кирилл жил здесь всего две недели. За всё это время их коммуникация ограничилась тремя дежурными «здравствуйте» у лифта и вчерашним безмолвным созерцанием её халата с уточками. Он не мог знать её имени. Она не представлялась, не оставляла визиток на его коврике и уж точно не набивалась в друзья.

Она посмотрела на Шныря, который как раз перешел к дегустации левого каблука её туфель.

— Шнырь, брось гадость и включи аналитическое мышление. Давай рассуждать логически. Маша — это же не имя, это статистическая погрешность. В нашей стране Маш больше, чем бродячих котов. Может, у него есть бывшая жена Маша? Или суровая начальница? Или... ну не знаю, двоюродная бабушка из ЖЭКа, которая отказывается выдать ему те самые ключи от подвала?

Шнырь оторвался от туфли, окинул хозяйку скептическим взглядом карих глаз и тихонько зевнул.

— Согласна, версия слабая, — вздохнула Маша. — «Ключи под носом» — это слишком локально. Под чьим носом? Под моим. Ладно, допустим, это триллер, и я действительно в опасности. Что делают законопослушные граждане в таких случаях? Правильно, звонят в полицию. Как думаешь, стоит?

Пёс шевельнул лопаухим умом и поскреб лапой затылок, демонстрируя полное безразличие к органам правопорядка.

— Вот и я думаю, что не стоит, — Маша покрутила в руках диктофон. — Представь этот диалог. «Алло, дежурный? Примите заявление. Мой новый сосед, интеллигентный юноша с кактусом, подозрительно выносит строительный мусор в три часа ночи. Да, я следила за ним через глазок. Да, я обыскала его пакет. Нет, расчлененки там нет, там старые чертежи и кассетный диктофон. Я его, кстати, украла. Так вот, на пленке мужской голос говорит, что если Маша начнет совать свой нос... Почему вы смеетесь, товарищ капитан? Алло?»

Маша вздохнула и аккуратно отобрала у собаки туфлю. Ситуация складывалась классическая: состав преступления отсутствовал, а вот состав её личной паранойи рос с каждой секундой. Ирония судьбы заключалась в том, что теперь она физически не могла просто пойти спать. Любопытство, дремавшее в ней со времен чтения Агаты Кристи под одеялом, окончательно проснулось и требовало действий.

— Нас просто поднимут на смех, Шнырь, — резюмировала она, поднимаясь с пола и потирая затекшую ногу. — Или оформят за кражу раритетной электроники. Нам нужны не домыслы. Нам нужны улики. Настоящие, осязаемые улики. И, кажется, завтра мне придется стать очень, очень общительной соседкой.

Глава 3. Паранойя на медленном огне

Трехлитровая банка с ядрицей — стратегический запас на случай ядерной войны или очередного приступа диетического безумия — подошла идеально. Маша погрузила теплый диктофон в серо-коричневые зерна, как пиратский клад, засыпала сверху остатками крупы и пару раз встряхнула стекло для надежности. Сухой шорох гречки немного успокоил расшатанные нервы. Шкафчик захлопнулся с плотным, победоносным щелчком.

В дверь постучали. Это не было робкое поскребывание соседа, пришедшего за солью или парой луковиц. В глухом деревянном массиве отозвался уверенный, тяжелый стук инквизиторской комиссии, прибывшей конфисковать еретическую литературу.

— Шнырь, тихо, — шёпотом скомандовала Маша.

Пес даже не подумал заткнуться. Он утробно, басовито заворчал, уперевшись лапами в порог. Маша судорожно пригладила растрепанные волосы, посильнее затянула пояс махрового халата, под которым предательски белели пижамные штаны в алые сердечки, и повернула ключ. Идеальный камуфляж для встречи с опасным субъектом.

На площадке стоял Кирилл. Ночной триллер продолжал ломать стереотипы: вместо черной маски-балаклавы на соседе была серая трикотажная футболка, которая непозволительно хорошо подчеркивала разворот плеч. В руках он держал ничего. Никакого мешка, никакого фонарика, никакого кактуса в качестве вещественного доказательства злого умысла.

— Добрый вечер, — произнес Кирилл и тут же поморщился. — Вернее, доброй ночи. Вернее... простите, я понимаю, насколько это нелепо выглядит.

Маша молчала, крепко держась за край двери. В ее голове параллельно крутились два трека: один — тревожный, в духе саундтрека к скандинавскому детективу, второй — настойчиво обращающий внимание на ширину плеч. Второй трек был признан государственной изменой и немедленно подавлен.

— Захлопнулась, — сказал Кирилл, коротко мотнув головой в сторону своей квартиры. Та действительно была закрыта — плотно, без малейшего зазора. — Я вышел выбросить пакет с мусором, а ключи забыл на тумбочке, а она... в общем, пружина. Старый замок.

— Бывает, — осторожно согласилась Маша.

— Я не хотел бы вызывать службы в такое время. — Он слегка запнулся, как человек, которому непривычно просить о помощи. — Если у вас найдется нож с тонким лезвием или, скажем, отвертка с плоским шлицем — я бы попробовал сам. Замок там допотопный, цилиндровый, образца примерно семидесятого года. Я с ним справлюсь.

Маша медленно, очень медленно переводила взгляд с соседа на его захлопнувшуюся дверь и обратно. Внутренний прокурор немедленно запросил слова. «Он знает, как вскрывать замки. Откуда нормальный человек знает, как вскрывать замки? Про цилиндровые и шлицы? Это диссертационные знания либо криминальные».

— Один момент, — сказала она вслух.

Дверь она прикрыла — не до щелчка, но достаточно, чтобы выдохнуть. Нож она нашла быстро: крепкий столовый, с узким лезвием, которым обычно вскрывала упаковки с заказами из интернет-магазинов. С отверткой пришлось повозиться — та залегла в самом дальнем углу ящика с «нужными вещами», между засохшим клеем «Момент» и батареей непонятного происхождения.

«Еще одна странная деталь в его подозрительных навыках», — думала Маша, пока откапывала инструменты. Кирилл умел вскрывать замки. Кирилл таскал мешки ночью. Кирилл знал, чьи именно вопросы нельзя допускать. Список рос с пугающей методичностью.

Она вернулась в коридор, вручила ему нож и отвертку и остановилась в проеме, скрестив руки на груди. Уходить и закрываться на все замки было бы, конечно, разумно. Но разум этой ночью давно сдал полномочия.

— Я подержу фонарик, — сообщила она тоном человека, которому терять уже нечего.

Кирилл поднял взгляд и несколько секунд смотрел на нее с тем же выражением антрополога перед говорящим сусликом.

— Спасибо, — наконец произнес он. — Это... неожиданно любезно с вашей стороны.

— Просто не хочу, чтобы в темноте вы промахнулись по замку, — парировала Маша. — Инструменты казенные.

Маша направила луч фонарика точно на скважину, чувствуя, как у нее пересыхает в горле. Кирилл опустил на короточки с такой легкостью, словно проделывал это упражнение каждое утро вместо зарядки. Он не суетился, не чертыхался, как сделал бы любой нормальный человек, оказавшийся в три часа ночи перед запертой дверью собственной квартиры. Он просто работал.

— Знаете, — заметила Маша, присаживаясь чуть поодаль, чтобы не мешать, но при этом видеть каждый поворот его кисти. — У вас очень специфическое хобби для младшего научного сотрудника. Обычно в таких случаях вызывают МЧС или, на худой конец, соседа с ломом.

Кирилл ввел отвертку в скважину, слегка надавил, прислушиваясь к чему-то одному ему понятному. Его движения были стерильно точными — никакой лишней суеты, никаких хаотичных тычков.

— Наука, Маша, — это прежде всего умение разбираться в механизмах, — отозвался он, не оборачиваясь. — А замки — это те же уравнения. Нужно просто правильно выставить пины и приложить нужное усилие. Никакой магии, чистая физика.

Маша нервно сглотнула. Физика в его исполнении выглядела подозрительно криминально. Она видела, как плоский кончик ножа, который он использовал вместо натяжителя, едва заметно вибрирует в его руке.

— Вы сейчас говорите так, будто открыли пару сотен сейфов в своей жизни, — прошептала она.

— Я говорю так, будто ценю свое время, — он наконец повернул голову, и в свете фонарика его лицо показалось Маше не просто бледным, а почти прозрачным. — И не люблю ждать слесарей.

Раздался едва слышный, сухой «клик». Затем еще один. Кирилл плавно повернул отвертку, и тяжелая железная дверь, издав ленивый скрип несмазанных петель, поддалась. Сосед поднялся на ноги, отряхивая брюки с такой будничной грацией, словно только что решил уравнение второй степени, а не вскрыл замок за тридцать секунд.

— Видите? — он протянул Маше её инструменты, рукоятки которых были теперь теплыми от его пальцев. — Допотопный механизм. Конструкция уровня «здравствуй, СССР».

Маша приняла нож и отвертку, стараясь не задеть его руку. Она ожидала, что он сейчас скроется за дверью и захлопнет её, оставив её наедине с вопросами, но Кирилл задержался. Он придержал дверь открытой, позволяя Маше заглянуть внутрь. Там, в прихожей сорок второй квартиры, не было ни гор трупов, ни арсенала взломщика. Только аккуратно расставленная обувь, одинокий кактус на полке и легкий, едва уловимый запах озона и свежей краски.

— Спасибо, Маша, — произнес он, и в его голосе теперь слышалась та самая мягкая, интеллигентная меланхолия, с которой он появился в доме две недели назад. — Вы очень помогли. И... насчет диктофона.

Маша замерла, вцепившись в нож так, что побелели костяшки пальцев.

— Да? — голос прозвучал на октаву выше, чем она планировала.

— Не держите его в гречке, — Кирилл улыбнулся — вежливо, почти по-соседски. — Крупа забивает микрофон и портит головки. Если хотите что-то записать — купите нормальный цифровой рекордер. У них звук чище, а шума — гораздо меньше. Доброй ночи.

Дверь закрылась — бесшумно, точно и окончательно.

Маша стояла в пустом коридоре, сжимая в руках кухонный нож, и смотрела на соседскую дверь. Где-то в глубине её собственной квартиры Шнырь издал вопросительный «вуф», ожидая продолжения банкета.

«Он знает, — пронеслась в голове душная, липкая мысль. — Он знает всё. О гречке, о диктофоне, о том, что я сейчас стою здесь и чувствую себя идиоткой».

Она медленно побрела к своей двери, чувствуя, как внутри неё окончательно формируется новый, доселе неведомый азарт. Впервые в жизни ей не хотелось бежать в полицию, звонить маме или прятаться под одеяло. Ей хотелось узнать, зачем человеку, который умеет профессионально вскрывать старые замки и следить за соседями, понадобилась именно эта квартира. И, главное, почему он так любезно дал совет по улучшению качества её слежки.

— Шнырь, — прошептала она, закрывая замок на все обороты. — Похоже, мы ввязались в очень странный проект. И боюсь, у него довольно высокий уровень сложности.

— Шнырь, — прошептала она, закрывая замок на все обороты. — Похоже, мы ввязались в очень странный проект. И боюсь, у него довольно высокий уровень сложности.

Ночь прошла в полудреме. Маша то вскакивала, проверяя, не пытаются ли вскрыть её дверь «научными методами», то засыпала, чтобы тут же проснуться от мысли: а не подслушивают ли её через розетки? Диктофон лежал на столе — голый, без гречневой «шубы», как и советовал сосед. Кирилл был прав: техника не любит крупу, а люди, похоже, не любят, когда за ними охотятся, но при этом обладают пугающе хорошими манерами.

Глава 4. Человек в дорогом пальто и прочие неприятности

Утро встретило Машу серым дождем и осознанием того, что в одиночку ей не справиться. Кирилл — профессионал. Он знает замки, знает тактику, и, судя по всему, знает о ней больше, чем она сама о своей биографии. Ей нужен был рычаг. А рычаг в их пятиэтажке мог находиться только в одном месте: на скамейке у второго подъезда, где восседала Галина Петровна — бессменный председатель их неформального домового совета, женщина, чьи глаза видели, как в 98-м заезжал первый жилец, и как вчера поздно вечером уезжал курьер с пиццей.

— Шнырь, — скомандовала Маша, пристегивая поводок. — Включай обаяние. Мы идем добывать информацию.

Пес, давно не видевший от хозяйки такого количества решимости в сочетании с нерасчесанными волосами, вильнул хвостом. Он явно подозревал, что «добывать информацию» — это собачий синоним для «попрошайничать у прохожих», и был готов к любым свершениям.

— Гуляете? — спросила она вместо приветствия, не отрываясь от наблюдения за пустой парковкой.

Галина Петровна перевела взгляд ниже, на уровень щиколоток, и в её глазах мелькнуло искреннее сочувствие к состоянию Машиного ментального здоровья. Маша проследила за направлением этого взгляда и замерла. На ногах красовались пушистые домашние тапочки с мордами кроликов, пожеванные Шнырем и уже успевшие пропитаться утренней влагой.

«Ну разумеется, — подумала Маша, чувствуя, как краснеют уши. — Детективное расследование века требует именно такой обуви. Кроссовки — это для слабаков, истинные сыщики выходят на охоту исключительно в вещах, которые стыдно показать почтальону».

Это случалось с ней постоянно: стоило в голове сформироваться хоть одной здоровой идее, как остальная часть организма объявляла забастовку. Сначала — халат с уточками в подъезде, теперь — кролики на улице. Соседи, должно быть, уже делали ставки, в чём она выйдет в следующий раз. А что, если они правы? Может быть, она и вправду странная? Впрочем, Маша тут же одернула себя: нормальные люди в три часа ночи не отслеживают соседей и не анализируют содержимое строительных мешков. Значит, странность — это просто рабочий инструмент.

Она постаралась принять как можно более непринужденную позу, скрывая тапочки за кустом сирени.

— Собаке нужно движение, — Маша села на край скамейки, чувствуя, как Шнырь тут же начинает наматывать круги вокруг ног Галины Петровны, выпрашивая порцию ласки. — А вы всё на посту, Галина Петровна. Как здоровье?

Женщина хмыкнула, погладила Шныря по голове, и Маша поняла — лед тронулся. — Здоровье — это когда не спрашивают. Чего пришла, Маш? Вижу, глаза бегают. Опять что-то в подъезде случилось?

Маша понизила голос, имитируя доверительную беседу о соседских сплетнях. — Да вот, всё думаю про сорок вторую квартиру. Семён Аркадьевич... Вы ведь помните его хорошо? Станный был мужчина. Небось, долгов оставил кучу?

Галина Петровна поджала губы, превратив лицо в сушеную курагу. — Долги — это дело наживное. Он был не странный, он был... одержимый. Как съехал, так я в ту квартиру и заглядывала, когда трубы проверяли. Маш, там не квартира, там ребус.

— Ребус? — Маша затаила дыхание.

— Стены, — многозначительно произнесла Галина Петровна. — Он обои не переклеивал, он их наslaивал. Слой на слой. В коридоре — газеты пятилетней давности, в комнате —

ватманы, склеенные в огромные листы. Вся квартира превратилась в одну сплошную чертежную доску. Я тогда управляющему сказала: «Сдирать всё под ноль! Это же пожароопасно!». А он мне: «Не трогайте, там у него какая-то инвентаризация коммуникаций». Ну, какая инвентаризация у нумизмата?

Машу прошибло током.

— Инвентаризация коммуникаций? Вентиляция? Подвал?

— И подвал тоже, — кивнула соседка. — Он всё твердил, что наш дом построен неправильно. Что есть «Сектор Б» — пространство, которого нет в планах. Я думала, старик заговаривается. А теперь вон... сосед ваш новый, Кирилл. Тихий, интеллигентный, а всё туда же. Вчера видел, как он в подвал спускался. С фонариком.

Маша почувствовала, как внутри всё сжалось. Кирилл не просто жил в квартире. Он искал то, что оставил Семён Аркадьевич. Эти «чертежи» в мусорном баке — это были не просто бумажки, это была карта сокровищ. Или карта чего-то гораздо более опасного.

Она встала, потянула за поводок, чувствуя, как внутри просыпается настоящий азарт. В этот момент из-за угла дома вышел мужчина. Дорогое пальто, безупречная стрижка, кожаный портфель — персонаж явно не из их панельного гетто. Он остановился, внимательно оглядел подъезды и направился напрямик к ним.

— Доброе утро, дамы, — голос был вежливым, но холодным, как мартовский лед. — Не подскажите, где здесь проживает Кирилл Сергеевич? Из 42-й?

Галина Петровна прищурилась, но Маша опередила её. Она вдруг поняла: это и есть «Третья сторона». И если Кирилл — это «подозреваемый», то этот тип — явно «преследователь».

— А вы, простите, кто? — спросила Маша, прикрывая собой Шныря, который начал рычать. — У нас здесь дом тихий, чужих не любим. Особенно с утра пораньше.

Мужчина улыбнулся, но глаза его остались абсолютно мертвыми.

— Я представитель управляющей компании. По вопросу незаконной перепланировки жильцом квартиры 42.

Маша поняла: ставки выросли. В их доме начался настоящий шпионский сериал, а она оказалась в самом центре событий, имея при себе лишь собаку, махровый халат (дома) и диктофон, который теперь точно не стоило хранить в крупе.

— Управляющая компания? — переспросила Маша, стараясь, чтобы голос звучал максимально беззаботно. — А разве вы не должны приходить с уведомлением? И в рабочее время?

Мужчина сделал шаг ближе. Шнырь гавкнул — звонко, по-боевому.

— Я задал вопрос, девушка. Где Кирилл?

Маша посмотрела на дверь своего подъезда, затем на незнакомца. В голове мелькнула мысль: Кирилл, конечно, тип мутный, но он хотя бы не похож на корпоративного палача. Она улыбнулась, погладила Шныря по загривку и ответила:

— Понятия не имею. Уехал в командировку, кажется. В Сызрань. Надолго.

Мужчина в дорогом пальто, чьи ботинки стоили больше, чем все имущество Маши вместе с её «Гаудой» и коллекцией керамических котов, медленно развернулся. Он задержался на секунду, окинув Машу взглядом, полным холодной вежливости, после чего кивнул — словно принял к сведению нелепую ложь, но решил не тратить время на её опровержение.

— Сызрань, значит, — повторил он, словно дегустировал этот город на вкус, находя его послевкусие крайне посредственным. — Прискорбно. У Кирилла Сергеевича были дела в столице.

Он постоял еще полминуты, а потом развернулся и медленно пошел вдоль дорожки, и каждый шаг его ботинок, стоивших больше, чем весь гардероб Маши, отдавался по асфальту с властным, почти армейским ритмом. На ходу он задрал голову, сканируя окна второго и третьего этажей. Взгляд был цепким, профессиональным — он изучал фасад не как жилец,

ищущий свою квартиру, а как сапер, вычисляющий расположение растяжек. На пару секунд он задержался, вглядываясь в окно с распахнутой форточкой, из которой весело выглядывал горшок с геранью, и в его глазах промелькнуло искреннее недоумение: как такая хаотичная жизнь вообще может сосуществовать с его четким планом?

Маша провожала его взглядом, пока черное пальто не превратилось в точку, а точка не растворилась в сером утреннем тумане. Лишь тогда она почувствовала, как по спине потек холодный, липкий пот. Шнырь, до этого яростно охранявший периметр от наглого прохожего, внезапно присел на задние лапы и, на всякий случай, плотно поджал хвост. Пес явно решил, что запах дорогого парфюма, смешанный с угрозой, — вещь в этом дворе противоестественная и крайне опасная.

— Видала? — Галина Петровна, до этого момента наблюдавшая за сценой с замиранием сердца, подалась вперед. — Троеточия какие-то. Ходят тут всякие, вынюхивают. Точно говорю, не из компании он. В компании у нас сидит тетя Валя, у которой очки на носу, вечно карандаш за ухом и пучок на макушке, а этот... этот прям как из кино про шпионов. Сейчас, небось, все двери в подъезде приметит, а ночью придут — и вынесут всё, что нажито непосильным трудом.

Маша криво усмехнулась, хотя внутри всё неприятно сжалось.

— Галина Петровна, чего у нас выносить-то? У меня, например, из ценностей — только полупустой холодильник и коллекция пробников крема, которые жалко выкинуть. А по прикиду он на квартирного вора не тянет. Вы видели его пальто? Оно стоит как весь наш подъезд, включая крышу и подвал.

— Вот именно! — отрезала соседка. — Кто в таком пальто по нашим дворам шастает? Значит, дело серьезное. Ох, мамочки, — она вдруг вскинула руки к лицу и ахнула. — Почта! Сегодня же последний день оплаты за свет, а я, старая калоша, сижу тут, языком чешу! Память — как душлаг, всё сквозь неё утекает! Надо срочно бежать, квитанции только захвачу!

Она резво соскочила со скамейки и засеменила к двери подъезда, даже не оглянувшись. Маша осталась одна. Тишина двора внезапно стала оглушительной.

— Командировка в Сызрань, — пробормотала она в пустоту, чувствуя, как внутри закипает неприятное осознание. — Маша, ты идиотка. Теперь этот странный конь в пальто точно знает, что Кирилл здесь. И что я — его прикрытие.

Маша поднялась по бетонным ступеням, стараясь не слишком громко шлепать тапочками. Шнырь, почуяв смену настроения хозяйки, перестал исследовать каждый угол и теперь трусил рядом, изредка поглядывая на неё с немимым вопросом: «Когда же мы уже вернемся к обсуждению ужина?».

Пока она преодолевала пролет за пролетом, в её голове происходила экстренная переоценка ценностей. Если отбросить панику, вызванную ночными вылазками Кирилла, и её собственную склонность к драматизации, что оставалось?

Факты были упрямыми и совершенно не вяжущимися с образом маньяка. Во-первых, его умение вскрыть дверь. Она ведь видела это своими глазами — пара движений, никаких сломанных отмычек, никакой крови на стенах. Это было мастерство, а не варварство. А что касается ночного мусора... любой, кто хоть раз пытался избавиться от старой мебели или груды бумаг в квартире, доставшейся в наследство, знает: это процесс, требующий либо ночи, либо крепких нервов, либо того и другого вместе.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.